

© 2004 г.

«ПЯТЫЕ ЖЕБЕЛЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ» (Санкт-Петербургский государственный университет, 19–21 ноября 2003 г.)

Кафедра истории древней Греции и Рима Санкт-Петербургского государственного университета – старейший и крупнейший (наряду с кафедрой истории древнего мира Московского университета) университетский центр антиковедения в нашей стране. Содержанием деятельности кафедры является, с одной стороны, учебная работа, подготовка новых специалистов по древней истории, а с другой, естественно, – научная работа, без которой немислим сколько-нибудь содержательный учебный процесс.

Важным аспектом деятельности петербургской кафедры, напрямую связанным с исследовательской работой, является регулярное проведение научных конференций, посвященных наиболее значимым и интересным проблемам античной истории и культуры. В прежние времена это была череда конференций «Проблемы античного полиса» (I–IX, 1974–1992 гг.), отвечавших основному исследовательскому направлению тех лет. Затем после некоторого перерыва, обусловленного трудностями перестроечного времени, кафедральные конференции возобновились под новым, более широким девизом: «Античное общество: проблемы истории и культуры» (I–VI, 1995–2003 гг.). Позднее к ним добавились проводимые обычно осенью в память об одном из архетипов петербургской историко-филологической школы, академике Сергее Александровиче Жебелеве специальные «Жебелевские чтения» (I–V, 1997–2003 гг.). Некоторые из конференций под общим названием «Античное общество» посвящались специальным проблемам античной истории: «Власть и общество в античности» (=АО-IV, 2001 г.), «Режимы личной власти в античном мире» (=АО-V, 2002 г.), «Авторитарная власть и интеллектуальная элита в античном мире» (АО-VI, 2003 г.). Иногда такие тематические конференции проводились и отдельно: «Интеллектуальная элита античного мира» (1995 г.), «Альтернативные социальные организации и движения в античности» (1998 г.). Очевидно большое значение этих конференций: они содействуют обмену информацией, стимулируют научную мысль, сближают специалистов разных направлений, ветеранов и молодых, петербургских и иногородних. Зримое воплощение продуктивности их – это изданные кафедрой многочисленные сборники статей и целые монографии.

19–21 ноября 2003 г. на историческом факультете Санкт-Петербургского университета состоялась «Пятые Жебелевские чтения», организованные кафедрой истории древней Греции и Рима и действующим при ней Центром антиковедения. На конференции было прослушано и обсуждено около 40 докладов, в ней приняли участие антиковеды Петербурга, Москвы, Великого Новгорода, Екатеринбургa, Нижнего Новгорода, Перми, Петрозаводска, Саратова, Сыктывкара, Тобольска, Ярославля. Конференцию открыл 19 ноября заведующий кафедрой истории древней Греции и Рима СПбГУ профессор Э.Д. Фролов. Во вступительном слове он дал ретроспективный обзор прежних проводившихся кафедрой конференций и напомнил о значении научной деятельности эпонима нынешних чтений С.А. Жебелева. Первое пленарное заседание было посвящено главным образом проблемам источниковедения и историографии античности, и на нем было заслушано семь докладов. В докладе «Проблемы исторической ономастики классических Афин» С.Г. Карлюк (Москва) убедительно показал, что древнегреческие имена являются великолепным источником для изучения социальной психологии, а иногда и идеологии древних греков и позволяют в какой-то мере определить духовные ценности гражданского коллектива. С.Г. Карлюк проанализировал большую выборку греческих имен (1369) из афинских общественных надгробных надписей V–IV вв. до н.э. и показал, как изменялись взгляды и представления в афинском обществе в эпоху развития и трансформаций демократического уст-

ройства Афин. Автор пришел к выводу, что в Афинах имена с корнем *dem-* становятся своеобразным признаком «демократического нобилитета», который стал и носителем, и потребителем демократической идеологии.

М.П. Трофимов (Пермь) в докладе «Влияние философии стоиков на формирование исторической концепции Диодора Сицилийского» обратился к важной теме историософских взглядов одного из самых известных и интересных (хотя и недостаточно ценных) представителей античной историографии I в. до н.э. Автор показал воздействие идей стоиков на Диодора по таким, в частности, линиям, как представление о единстве мировой истории и обоснование нравственной пользы и значения исторических занятий. В докладе «Изучение феномена фаланги в историографии новейшего времени» *А.К. Нефедкин* (Санкт-Петербург) подчеркнул, что в конце XIX – первой половине XX в. особенно были заметны успехи немецкой историографии прежде всего в изучении проблемы появления фаланги, в частности, в связи с возникновением старшей тираннии. С 60-х годов XX в., по мнению докладчика, на первый план выдвигается англо-американская историография, при этом пристально исследуются вопросы о времени появления фаланги, способе ведения боя (натиске), собственно процесс развития фаланги. Свой вклад в изучение темы внесла и французская историография, обратив особое внимание на связь возникновения фаланги с формированием полиса. Говоря об отечественной историографии последних десятилетий, автор доклада отметил особенно активную разработку вопросов механизма ведения боя и проблемы появления фаланги в связи с рождением полисного государства.

М.В. Белкин (Санкт-Петербург) в докладе «Один день из жизни Цицерона – 15 марта 44 г. до н.э.» обратился к весьма дискуссионной теме возможного участия в заговоре против Цезаря знаменитого римского оратора и политика Цицерона. В центр внимания автор поставил вопрос: был ли Цицерон в сенате в трагический день убийства диктатора, т.е. в мартовские иды 44 г. Основываясь на свидетельствах античной традиции, в первую очередь писем самого Цицерона, М.В. Белкин привел аргументы в пользу мнения о том, что оратор в тот день в сенате не присутствовал и, стало быть, прямого участия в заговоре не принимал. В докладе *В.В. Дементьева* (Ярославль) «Римское государственное право: «система» Теодора Моммзена» было отмечено, что центральное место в многогранном вкладе Т. Моммзена в изучение античного Рима занимает исследование римского публичного права, представленное в виде целостной системы в труде «*Roemisches Staatsrecht*». Автор подчеркнула, что несмотря на целенаправленные попытки многих поколений историков «основательно ревизовать» «систему» государственного права Т. Моммзена, все они в какой-то степени опирались и опираются на его общее наследие. Это наследие, по мнению автора, состоит прежде всего в самом методе теоретического моделирования исторических реалий на основе применения правовых категорий, методе, который постоянно используется и в современном антиковедении.

В докладе «Анималистические мотивы в религиозно-мифологической традиции древних кельтов» *Н.С. Широкова* (Санкт-Петербург) показала, что особенностью кельтской религиозно-мифологической традиции является широкое распространение в ней образов животных. Особое место среди анималистических мотивов кельтской мифологии занимают представления, связанные с темой лошади. На европейском континенте в областях расселения кельтов (особенно в Галлии) часто встречаются изображения лошади, самые древние из которых восходят, по меньшей мере, к бронзовому веку. В позднейшее время почти у всех галльских племен присутствует изображение лошади на монетах. Популярность мотива лошади, конечно, может объясняться тем, что в странах процветающего земледелия и скотоводства, таких, как Галлия, жеребец-производитель и молочная кобыла воплощали изобилие и экономическое богатство страны. Однако у кельтов, как и во всем индоевропейском мире, благородное животное использовалось главным образом на войне. В период кельтской экспансии в составе кельтских войск, кроме пехотинцев, фигурируют также военные колесницы и конница. Двухколесная боевая колесница появляется у кельтов с конца V в. до н.э. Конница континентальных кельтов комплектовалась из высших аристократических слоев общества. Она играла важную роль уже во время войн на Балканах и в Греции. В Ирландии воин также не мыслил себя без боевой колесницы, запряженной двумя лошадьми и управляемой возничим. На Британских островах такой способ ведения боя удерживался очень долго. Кроме того, в древних мифологиях лошадь играла важную символическую роль. Образ лошади был включен в символику как солнца, так и луны. В бретонском и ирландском фольклорах луну до сих пор называют «Белой кобылой». И, наконец, в религиозно-мифологических представлениях древних кельтов образ лошади был связан с идеей верховной власти, может быть, одной из самых древних и фундаментальных идей древних религиозно-мифологических традиций.

Доклад *А.Д. Пантелеева* (Санкт-Петербург) «Иисус – киник? Христианство и кинизм» был посвящен освещению одного из направлений так называемого «третьего поиска исторического Иисуса» – попытки восприятия Иисуса как странствующего киника. Эта идея не нова, она мно-

жество раз высказывалась исследователями в XX и даже еще в XIX в. Среди тех, кто особо ревностно защищает эту позицию в настоящее время, можно назвать Геральда Даунинга, Бартона Мака и Лейфа Вааге. Так, Даунинг полагает, что «для части ранних христиан, которые оставили нам новозаветные документы, подход киников I века к этике предоставлял очень важную модель для выбора проповеди и учительства». Более того, «Иисус вполне мог быть не первым иудеем из Галилеи, который попытался совместить кинические идеи с иудаизмом». Особое место в аргументации Даунинга занимают ссылки на источниковую традицию Q, где, по его мнению, содержится много параллелей с кинической традицией. Как полагает докладчик, с этим трудно согласиться. Сомнительность широкого распространения кинизма в Галилее, то обстоятельство, что кинизм рубежа эр был кинизмом не школы, а отдельных личностей, наконец, невозможность точной реконструкции того, какие именно варианты речений Иисуса входили в состав Q, – все это заставляет усомниться в выводах Даунинга. Наконец, если обратиться к восприятию кинизма и христианства самими древними, то становится ясно, что сравнение христиан с киниками являлось элементом антихристианского арсенала Цельса и Лукиана, но никак не христианской самоидентификации.

На следующий день, 20 ноября работали две секции, посвященные соответственно истории Греции и Рима. На утреннем заседании секции истории древней Греции (председатель – В.М. Строецкий) было прочитано шесть докладов. Доклад *М.Ю. Лантевой* (Тобольск) «Ионийский синокизм: проекты интеллектуалов и историческая реальность» был посвящен архаической Ионии и роли Панионийского союза. Автор показала, что этот союз сыграл важную консолидирующую роль в период миграций и в VI – начале V в. до н.э., однако в силу различных причин не стал основой для политического объединения ионийских полисов перед угрозой персидского завоевания. *А.В. Зайков* (Екатеринбург) в докладе «Ретры прямые и ретры кривые: к вопросу о законодательной процедуре в архаической Спарте» отметил, что Большая ретра и поправка к ней являются предметом пристального внимания исследователей, а также выделил основные гипотезы в толковании дополнения к Большой ретре. Автор указал, что традиционно это дополнение интерпретируется в политическом смысле: поправка поставила герусию и царей над народным собранием, которому теперь отводилась роль ширмы, маскирующей произвол правящей элиты. По мнению автора, поправка носила лишь процедурный характер и отвечала на вопрос: как быть, если «народ» примет решение (ретру) с нарушением тех процессуальных норм, которые были определены Большой ретрою и конституционной практикой? В докладе «Коринф и Афины (динамика взаимоотношений)» *С.М. Жестоканов* (Санкт-Петербург), основываясь на анализе литературных и эпиграфических источников, показал эволюцию взаимоотношений Коринфа с соседними полисами в архаическую и классическую эпохи. Особое внимание автор уделил отношениям между Коринфом и Афинами причинами смены дружественных и враждебных отношений между этими полисами в ту или иную историческую эпоху.

Доклад *А.В. Леонтьева* (Санкт-Петербург) «Роль пифагорейцев в войне Кротона с Сибарисом в конце VI в. до н.э.» был посвящен прежде всего анализу отрывка из XII книги Диодора Сицилийского, в котором говорится о войне Кротона с Сибарисом. Автор постарался показать, что главным источником этого сообщения Диодора было сочинение Тимея. Рассматривая взаимоотношения Кротона и Сибариса, *А.В. Леонтьев* широко использовал также все имеющиеся сведения из различных источников, что позволило ему сделать вполне уместное предположение об участии Пифагора в этой войне. В докладе «Причины спартанской олигантропии и цели реформ Агиса и Клеомена в III в. до н.э.» *А.Л. Дарвин* (Петрозаводск) рассмотрел существующие в современной историографии мнения, интерпретирующие сущность так называемой олигантропии в Спарте. Внимательно проанализировав данные источников, автор подчеркнул, что в спартанской общине и в ранние периоды ее истории не существовало равенства граждан в полном, идеальном смысле слова. По мнению *А.Л. Дарвина*, процесс неравенства, безусловно, развивался (особенно он усилился после принятия ретры Эпитадея), с этим было связано и сокращение числа граждан. Поэтому восстановление коллектива полноправных граждан автор оценил как одну из важнейших целей преобразований, которые пытались провести в III в. до н.э. спартанские цари Агис и Клеомен. *В.Р. Гуцин* (Пермь) в докладе «Афины и Аттика: демографическая мобильность в архаический и классические периоды» поставил вопрос об особенностях расселения в Аттике в VIII–V вв. до н.э. и подчеркнул, что чередование периодов более или менее равномерного распределения населения Аттики с периодами его концентрации в Афинах за счет оттока из деревень было тесно связано с конкретными историческими событиями или политической ситуацией в Афинах (например, политика тиранов, формирование системы демов при Клисфене, Греко-персидские войны и др.). По мнению *В.Р. Гуцина*, демографическая мобильность была постоянным фактором афинской истории, влияние которого на конкретные исторические события еще предстоит выяснить.

На втором заседании секции истории древней Греции (председатель – А.В. Зайков) было заслушано шесть докладов. Доклад *В.М. Строгоцкого* (Нижний Новгород) «Место рабов, женщин и метеков в системе коммуникативных отношений в классическом полисе» был посвящен анализу информационных связей в полисе и роли в них тех категорий населения, которые не входили в гражданский коллектив. Касаясь положения рабов, автор подчеркнул существование разных способов ограничить их доступ к информации. В.М. Строгоцкий заключил, что в целом отношение полисных властей к метекам было подозрительным: оставалась опасность, что метеки могут передать важную для полиса информацию иностранцам. Отмечая, что женщина в полисе считалась подвластной, зависимой от мужчины и должна была вести уединенную жизнь, автор вместе с тем указал, что в классическую эпоху в положении женщин наметились качественные изменения: они становились более свободными, втягивались в общественные дела. Это обстоятельство, как отметил В.М. Строгоцкий, представляло известную опасность для гражданского коллектива, так как нарушало устоявшийся, достаточно патриархальный порядок вещей. Этим объясняется столь большое внимание греческих авторов классического периода к положению и роли женщины, а также тот живой интерес, который вызвала у греческих историков, философов и поэтов тема «женщина и информация». Докладчик пришел к выводу, что основной смысл всех суждений на этот счет заключался в недопущении женщин к любой информации вне той сферы, где они уже занимали определенное место.

Т.В. Кудрявцева (Санкт-Петербург) в докладе «Народный суд в комедии Аристофана "Осы"» отметила, что многочисленные упоминания гелиэи в комедиях Аристофана указывают на то, что автор считал народный суд важнейшим органом в политической системе Афин, в небольшой степени олицетворяющим собой весь афинский демос. Докладчик также подчеркнула, что при этом комедия Аристофана – единственный источник, который дает нам детальное описание гелиэи V в. до н.э. Проанализировав особенности этого источника и отметив, что и «Осы», и замечания о суде и судьях в других комедиях – это, бесспорно, карикатура и местами весьма злая, докладчик подчеркнула, что, осмеивая и пародируя, Аристофан, однако, подмечал действительно существовавшие черты в облике и характере гелиэстов, наслаждающихся своей властью и безответственностью, равно как и в афинском судопроизводстве в целом, имевшем очевидный крен в сторону обвинительных приговоров.

В докладе «К вопросу об отношении афинских союзников к власти Афин в Делосской симмахии» *В.В. Шувалов* (Санкт-Петербург) остановился прежде всего на теме трансформации Делосской симмахии в Афинскую архэ. Он отметил, что Делосская симмахия с момента своего появления эволюционировала в сторону сосредоточения власти в руках Афин, и когда этот процесс завершился в конце 40-х годов V в. до н.э., прежде независимые союзники превратились фактически в афинских подданных. Автор решительно выступил против мнения о дружественном отношении союзников к Афинам, указав на то обстоятельство, что полисная идеология предполагала прежде всего независимость гражданского коллектива от любых внешних сил. Поэтому, как подчеркнул В.В. Шувалов, несмотря на известные преимущества, которые получали государства, вступая в первый Афинский морской союз, все они в целом негативно воспринимали свое униженное положение подвластных членов Афинской архэ. Такое отношение союзников к власти Афин проявилось в восстаниях, в которых принимали участие все слои общества и политические силы полиса (и демократы, и олигархи) и которые подавлялись Афинами, лишь силой сохранившими существование Архэ.

В докладе *М.М. Холода* (Санкт-Петербург) «Надписи из Приены и Александр Македонский» была рассмотрена проблема датировки двух приенских надписей эпохи Александра Македонского: одной, касавшейся посвящения Александром храма Афине Полиаде, и другой, сохранившей эдикт Александра относительно Приены. Автор сделал вывод о том, что изданный Александром эдикт в отношении Приены был единственным, посредством которого македонским царем были урегулированы дела данной общины, и что именно его текст использовался позднее приенцами при составлении сохранившейся надписи. При этом докладчик указал, что оригинальный текст данного эдикта был издан Александром в 334 г. до н.э.; так же, по его мнению, датируется и надпись с текстом посвящения Александром приенского храма Афине Полиаде. *М.Ю. Серова* (Санкт-Петербург) в докладе «К вопросу о полисном устройстве Александрии Египетской» подчеркнула, что основанная в Египте Александрия обладала основными чертами полиса: для нее было характерно наличие института гражданства и гражданской общины, которая выбирала некоторых городских магистратов и решала дела города с помощью таких демократических институтов, как Совет и народное собрание. Однако, как отметила М.Ю. Серова, несмотря на эти демократические элементы александрийская гражданская община и ее выборные органы строго контролировались царской администрацией.

В докладе «Эллинизация политического устройства городов Финикии в IV–III вв. до н.э.» *Ю.Б. Циркин* (Санкт-Петербург/Великий Новгород) рассмотрел вопрос о положении фини-

кийских городов при Александре Македонском и эллинистических царях и отметил, что македонское завоевание первоначально ничего не изменило в политическом устройстве финикийских городов – в них по-прежнему сохранялась царская власть, наряду с которой существовали городские магистраты. Однако в III в. до н.э., как указал докладчик, монархия в финикийских городах исчезла, и царя в качестве высшей инстанции и эпонима заменяет «народ» данного города. По мнению автора, изменения эти были скорее политическими, формальными и не сопровождались изменениями в городской элите. В конечном итоге восточный город превратился в самоуправляющийся гражданский коллектив с определенным набором политических прав и, с политической точки зрения, трансформировался в типичный полис. Однако, хотя он входил в состав эллинистических царств, тем не менее, внутри этих царств он обладал автономией, и это позволило Ю.Б. Циркину заключить, что отношения между финикийскими городами и эллинистическими властителями строились как «союз».

Работа секции по истории древнего Рима 20 ноября также включала в себя два заседания. На утреннем заседании (председатель – Ю.Б. Циркин) было заслушано семь докладов. Доклад *Л.П. Кучеренко* (Сыктывкар) «Via et aqua Appia (К оценке строительной деятельности Аппия Клавдия Цека)» был посвящен практической деятельности цензора Аппия Клавдия по сооружению дороги, соединившей Рим с Капуей, и 15-метрового водопровода, доставлявшего в Рим питьевую воду. Анализируемый материал (в основном сообщения Тита Ливия) позволил Л.П. Кучеренко рассмотреть строительную деятельность Аппия Клавдия в свете политической ситуации того времени и охарактеризовать его как политического деятеля нового типа, который в значительной степени шел навстречу интересам плебеев. Автор также заключил, что строительная деятельность Аппия Клавдия стимулировала превращение Рима в центр римско-италийской федерации. *Е.В. Смыков* (Саратов) в докладе «Градостроительная деятельность Помпея на Востоке» привел данные об огромном размахе этой деятельности во всех провинциях и вассальных государствах Азии. Однако автор подчеркнул, что почти все эти города в действительности не создавались вновь, а появились в результате либо восстановления пришедших в упадок или разрушенных, либо преобразования в города сельских поселений; при этом они получили новые названия, как правило, связанные с именем самого Помпея. *Е.В. Смыков* затронул также вопрос об исторической реабилитации Помпея как значительного административного деятеля.

В докладе *Н.В. Чекановой* (Ярославль) «Муниципальная политика Гая Юлия Цезаря» подчеркивалось, что муниципальная политика являлась частью целенаправленной административной политики Цезаря по превращению Рима в территориальную державу. По ее мнению, важную роль имели такие акции, как перепись населения, предоставление прав римского гражданства, принятие закона о муниципиях и распространение его положений на Рим. При этом ряд мероприятий был направлен на превращение Рима в притягательный центр для всего населения формирующейся территориальной державы. В целом, как подчеркнула *Н.В. Чеканова*, при оценке муниципальной политики Цезаря необходимо учитывать степень соответствия объективных задач, стоявших перед римским обществом, и субъективных установок Цезаря, направленных на консолидацию римско-италийского населения вокруг собственной персоны и власти. Доклад *С.М. Адамского* (Санкт-Петербург) «Борьба сенатских группировок во время Мутинской войны» был посвящен внутренней борьбе в сенате в 44–43 гг. до н.э. Выделив среди сенаторов радикальных сторонников Антония, с одной стороны, и республиканцев, с другой, автор указал, что при этом большинство сената принадлежало к «политическому центру» (группировке Фуфия Калена, стремившейся к компромиссу). По его мнению, положение изменилось лишь в результате перемены реальной политической ситуации, и если бы не гибель обоих консулов, то компромисс мог бы быть достигнут.

Тема доклада *А.Б. Егорова* (Санкт-Петербург) – «Война без победителя (Феномен гражданской войны в римском сознании)». По мнению автора, степень римского имперского милитаристского сознания в современной литературе преувеличена. Он утверждал, что римское общество никогда не признавало законность гражданских войн и резко их осуждало, что вынуждало честолюбивых полководцев, ведших эти войны, маскировать их под войны внешние (так, например, Цезарь – по официальной версии – сражался не с помпеянами, а с Нумидией, война Октавиана официально велась не с Антонием, а с Египтом) или же под операции полицейского характера. Ряд положений доклада вызвал возражения в ходе дискуссии; в частности, было отмечено, что внешняя агрессивность римлян и их негативное отношение к гражданским войнам – характеристики, не противоречащие, а дополняющие друг друга в плане римской ментальности. *С.И. Межеричка* (Санкт-Петербург) в докладе «Clades Variana: результаты археологических раскопок в Калькризе (Нижняя Саксония, Германия)» представила интерпретацию обнаруженных в Калькризе материалов – остатков римского походного лагеря и многочисленных следов ожесточенного сражения. Сравнивая археологические данные с описанием сраже-

ния в Тевтобургском лесу у Тапита, автор вслед за германскими археологами сделала вывод, что найдены следы уничтожения германцами армии Вара. В ходе обсуждения доклада были высказаны сомнения в обязательности идентификации найденных в Калькризе материалов с гибелью войска Вара, а также высказано мнение о том, что это могли быть воины Германика. Как признала докладчик, возможность такой интерпретации нельзя совершенно исключить, хотя это и представляется менее вероятным. По сообщению С.И. Межеричкой, лично принимавшей участие в археологической экспедиции в Калькризе, раскопки в этом районе продолжается до 2010 г. *К.В. Вержбицкий* (Санкт-Петербург) в докладе «К вопросу о целях Британского похода Калигулы», отметив, что Калигула так и не побывал в Британии, предложил ряд объяснений этому факту. Автор заключил, что либо предполагался реальный поход, но настроения армии заставили отказаться от него, либо, что представляется докладчику более вероятным, «поход» предполагался как демонстративная акция, направленная на укрепление политического положения Калигулы в Риме и установление им более жесткого авторитарного режима.

На втором заседании секции по истории Рима (председатель – *К.В. Вержбицкий*) были прочитаны и обсуждены пять докладов. В докладе «Проблема социальных конфликтов в эпоху Антонинов» *С.Г. Сердюкова* (Санкт-Петербург) затронула такие сюжеты, как отношения императорской власти с общественной элитой и проблеме оппозиции в эпоху принципата, сделав особый акцент на причинах характерного в целом для времени Антонинов согласия власти и высших общественных классов. В конце доклада С.Г. Сердюкова коснулась тех относительно немногочисленных эпизодов, которые все-таки нарушают радужную картину *concordia Antoiniana*, рассмотрев, в частности, заговор консуляров начала правления Адриана и мятеж Авидия Кассия, наместника Сирии при Марке Аврелии. Доклад *М.Н. Серафимова* (Санкт-Петербург) был посвящен теме «Антикризисная программа анонимного трактата *De rebus bellicis*». Трактат, по его мнению, был написан неизвестным автором между 366 и 375 гг. н.э. Основным вывод, сделанный М.Н. Серафимовым, заключался в том, что экономическую часть программы анонима в условиях того времени невозможно было реализовать на практике.

П.В. Шувалов (Санкт-Петербург) в докладе «Букцеллярии и федераты: к вопросу о развитии римской армии» суммировал свои впечатления от ряда новых работ по истории римского военного дела. С точки зрения автора, новейшие исследования Шарфа, Шмитта и Цукерманна коренным образом меняют сложившиеся представления об эволюции римской военной системы в эпоху перехода от ранней к поздней Империи. П.В. Шувалов подчеркнул, что привычное понимание таких военно-исторических категорий и терминов, как *buccellarii*, *foederati*, *auxilia*, должно быть существенным образом скорректировано. Тема доклада *Е.Н. Нечаевой* (Санкт-Петербург) – «Представления о дипломатии в эпоху поздней античности». С точки зрения автора, в IV–VI вв. н.э. представления о дипломатии как об особом способе урегулирования межгосударственных отношений и улаживания международных конфликтов путем переговоров, и, в этом смысле, противоположной войне, еще не сформировались окончательно. Как подчеркнула докладчик, древние знали скорее лишь отдельные составляющие дипломатии и отдельные качества, необходимые тому, кого новое время считает дипломатом.

В докладе «Мятеж готских военачальников Трибигильда и Гайны (399–400 гг.)» *О.В. Пригодская* (Санкт-Петербург) подчеркнула, что участники мятежа, поднятого готскими военачальниками в восточной части Римской империи на рубеже IV–V вв. н.э., не ставили перед собой цель захвата власти, претендуя лишь на укрепление собственного влияния и веса в рамках существующей в Империи политической ситуации.

Работа конференции завершилась 21 ноября 2003 г. вторым пленарным заседанием (председатель – П.В. Шувалов), посвященным преимущественно традициям классицизма. На этом заседании было прослушано и обсуждено пять докладов. В докладе «Император Адриан и греческие интеллектуалы» *А.С. Мельникова* (Санкт-Петербург) проанализировала противоречивые на первый взгляд свидетельства античной традиции об отношении Адриана к интеллектуалам. Источники, с одной стороны, представляют Адриана филэлллином, окруженным греческими интеллектуалами, с другой – император постоянно конфликтует с ними. Автор пришла к выводу, что гонений, направленных непосредственных на греческую интеллектуальную элиту, в этот период не было. Репрессии Адриана, вызванные личными мотивами, направлялись скорее против всех выдающихся интеллектуалов, среди которых иногда фигурировали и греки.

Доклад *Э.Д. Фролова* (Санкт-Петербург) «Меморандум Б.-Г. Нибура о принципах классического образования» был посвящен малоизвестному сочинению великого немецкого историка, так называемому «Письму к молодому филологу». При оценке этого сочинения, как заметил докладчик, надо принять во внимание характер ученой деятельности Нибура: он был не только практически действующим, но и рефлектирующим ученым, что роднит его с такими выдающимися представителями исторической науки, как Фукидид и Полибий. Взгляды Нибура на науку о классической древности и, шире, на классическое образование, с большой полнотой отражен-

ные в «Письме к молодому филологу», исходят из признания фундаментального значения классической филологии для всего гуманитарного образования. При этом Нибур настаивает на необходимости овладеть как методом научного познания, так и всей суммой необходимых знаний, включая знание древних языков и истории. Разумеется, как замечено докладчиком, не все одинаково в этом трактате можно принять безоговорочно. Так, современный антиковед-историк едва ли согласится с превалированием здесь чисто филологического элемента. По мере развития антиковедения не только как отрасли филологии, но и как части всеобщей истории становится очевидной равновеликость филологии и истории, а в связи с размахом археологических изысканий – равновеликость даже трех компонентов: филологии, истории, археологии. Тем не менее, оценивая в целом Нибурово «Письмо к молодому филологу», надо признать, что это – подлинное научное завещание, следовать наставлениям которого для гуманитария и долг, и честь.

В докладе *О.В. Кулишовой* (Санкт-Петербург) «Классическое образование в современных западноевропейских университетах» была проанализирована (на основе личных впечатлений) система преподавания античной истории и других антиковедных дисциплин в университетах Западной Европы, прежде всего Германии и Великобритании. Автор подвергла анализу как организацию учебного процесса (коснувшись, в том числе, и материальной базы университетского образования, и механизма занятия преподавателями вакантных должностей, и пр.), так и содержание учебного плана, прежде всего углубленной специализации. Доклад сопровождался демонстрацией богатого иллюстративного и методического материала. Доклад *Е.В. Никитюк* (Санкт-Петербург) «Оскар Фердинандович Вальдгауер (1883–1935) – хранитель и исследователь античной коллекции Эрмитажа» был посвящен одному из самых значительных представителей новейшего научного музееведения. В докладе были подробно освещены биография и деятельность *О.Ф. Вальдгауера*, исполнявшего должности сначала хранителя, затем заведующего отделом древностей и, наконец, директора Эрмитажа. Особое внимание было обращено на разработку Вальдгауером комплексной научной экспозиции памятников древней культуры на примере залов этрусского и раннериталийского (доринского) искусства.

Завершил заседание доклад *А.Д. Пантелеева* (Санкт-Петербург) «Римская история в поэзии А.Н. Майкова». Автор напомнил, сколь многим была обязана классическая русская литература прямому обращению к истокам классицизма – к античному наследию. Примером может служить творчество видного поэта XIX в. Аполлона Николаевича Майкова (1821–1897). Особое место в его наследии занимает лирическая драма «Три смерти», написанная в 1842–1857 годах. Ее сюжет строится вокруг событий, связанных с раскрытием заговора Пизона. Трех героям – Сенеке, Лукану и эпикурейцу Люцию, приговоренным к смерти, Нерон в виде милости позволяет самим свести счеты с жизнью. В «Трех смертях» Майков, обращаясь к античному сюжету, затрагивает центральную тему русской поэзии XIX в. – вопрос о взаимоотношениях творческой личности и общества. Привлекшая внимание поэта эпоха Нерона – время, когда, с одной стороны, еще живы республиканские представления о гражданской доблести, а с другой – уже сформировалась императорская власть и Рим пережил режимы Тиберия, Калигулы и Клавдия. Это противопоставление придает особую остроту драматическому конфликту. Однако, указывает докладчик, при всей одиозности фигуры Нерона никто из героев специально о нем не говорит. Их антагонистом выступает не Нерон, а весь Рим: по выражению *И.Ф. Анненского*, «Лукан его ненавидит, Сенека не хочет знать, а Луций презирает». Все они противопоставляют себя не народу, а «толпе», и это противопоставление проходит через всю драму.

Подводя итоги «Пятым Жебелевским чтениям», можно сказать, что они прошли удачно. Представленные доклады отличались разнообразием сюжетов и нередко оригинальностью трактовок, что естественно вызывало горячую дискуссию. Должное внимание было уделено важным разделам античной истории и культуры: источниковедению и историографии, политической истории древней Греции и Рима, социальным отношениям и государственным формам, различным аспектам религиозной и интеллектуальной жизни, наконец, традициям классицизма в новое время. На заключительном заседании при обмене впечатлениями было признано целесообразным и впредь чередовать Чтения с широким диапазоном тематики и конференции под общим девизом «Античное общество», но с более четко обозначенным направлением. Следующую тематическую конференцию было решено провести в марте – апреле 2004 г.*

О.В. Кулишова, Э.Д. Фролов

* 31 марта – 1 апреля 2004 г. в Санкт-Петербургском университете состоялась конференция «Античное общество-VII» на тему «Культ божества и культ человека в античном мире».